

Цзи Линьси был тем еще подлецом. А всякий подлец, как известно, мастерски владеет искусством интриг и насквозь видит чужое коварство. Все эти ученые мужи во дворе были его прямыми конкурентами, и речи Су Цили преследовали лишь одну цель: выставить юношу напоказ, сделав его мишенью для всеобщей зависти и вражды.

Впрочем, сам Линьси и бровью не повел. Краем глаза отметив суету слуг во дворе, он сложил руки в смиренном поклоне и произнес с подчеркнутой скромностью:

— Брат Цили слишком добр ко мне. Мой скромный успех — лишь чистая случайность, я вовсе не заслуживаю столь высоких похвал.

Он обернулся к остальным, являя облик безупречного книжника:

— Позвольте представиться: Цзи Линьси. Почту за честь познакомиться с вами, господа.

Ученые обменялись формальными приветствиями. Линьси искренне надеялся выудить из этих людей хоть какие-то крупинцы полезных сведений, однако после нескольких осторожных попыток понял: здесь собрались тертые калачи. Не желая тратить время на пустые разговоры, он разузнал, где отведены места для сна, и направился напрямик к указанным покоям.

Стоило ему толкнуть дверь, как надежды на покой рассыпались в прах. Это было обычное общежитие.

До приезда в столицу он рисовал в воображении отдельную комнату в поместье канцлера, где мог бы в тишине и уединении предаваться трудам. Реальность же оказалась куда суровее: даже в Юнчэне глава академии выделил ему личные покои, здесь же приходилось тесниться в одной зале с целой толпой.

Подобный упадок в положении не мог не испортить настроения. Однако Цзи Линьси быстро взял себя в руки. Он бросил узел с вещами на кровать в самом углу; короб с книгами он за плату оставил у хозяина постоянного двора, планируя забрать его позже. Теперь же придется ждать удобного случая, дабы не привлекать лишнего внимания.

Сделав глубокий вдох, он подошел к открытому окну. Тайком, через ткань одежды, он коснулся заветной шахматной фигурки и, успокоившись, достал бумагу. Приняв самый невозмутимый вид, Линьси погрузился в упражнения по каллиграфии.

Спустя некоторое время в комнату вошел Су Цили. Коротко поприветствовав товарища, он тоже достал книгу и принялся за чтение.

Минул первый день, но Ван Ян так и не удостоил гостей своим вниманием. Когда слуги принесли еду, у многих ученых кусок не лез в горло от беспокойства. Лишь Линьси, сохранив спокойствие, умудрялся одной рукой придерживать свиток, а другой — опустошить целых четыре чаши риса.

— У брата Линьси поистине завидная выдержка, — сокрушенно вздохнул Су Цили. — Мы все места себе не находим от тревоги, а ты словно и не замечаешь тягостной неопределенности.

Собеседник оторвал взгляд от книги, являя на лице фальшивую маску благородного мужа:

— Не стоит терзаться, брат Цили. Завтра прибудет наставник, дабы начать наше обучение. Потерпи еще одну ночь.

Цили лишь промолчал, не зная, что ответить. Был ли его товарищ и впрямь столь бесхитростен, или же он просто издевался?

С наступлением ночи, когда все умылись и улеглись, тишина в комнате воцарилась не сразу. Первый день в поместье канцлера будоражил мысли, и ученые принялись обсуждать свое положение.

— Должно быть, завтра господин канцлер наконец призовет нас к себе? — с надеждой произнес кто-то.

Ожидания эти не оправдались. Шли дни, но Ван Ян так и не появился. Жизнь в Академии Шаньсюэ превратилась в рутину: лекции и самостоятельные занятия.

Учитель, приставленный к ним, тоже не блистал талантами. Преподавал он сносно, но никогда не задавал уроков и не требовал отчетов. Окончив лекцию, он тут же уходил, оставаясь холодным и безучастным ко всяким попыткам завязать с ним дружбу. Слуги и вовсе вели себя с учеными подчеркнуто отстраненно.

Большинство этих мужей прибыли сюда вовсе не за знаниями. Где еще учиться, если не в книгах? Они жаждали иного: предстать перед могущественным канцлером, снискать его расположение и обеспечить себе гладкий путь в мире большой политики. Однако вместо этого они наткнулись на ледяное презрение челяди и полное безразличие хозяина.

Некоторые не выдерживали уже через несколько дней. Под предлогом прогулки они блуждали по садам поместья, надеясь на встречу, но возвращались ни с чем.

Наблюдая за ними, Цзи Линьси не мог сдержать злорадства.

«И чем это отличается от гарема, где наложницы борются за внимание императора?»

Едва эта мысль промелькнула в голове, он с размаху влепил себе пощечину.

«Какой еще гарем?! Тьфу! Я к ним не отношусь. Даже если и придется бороться за чье-то расположение, то только за внимание прекрасного принца, а этот дряхлый старикашка — лишь ступенька, не более»

Удар вышел сильным, и сидевший рядом Су Цили вздрогнул от неожиданности:

— Брат Линьси, что с тобой?

Тот потер пылающую щеку, на которой уже проступил след ладони, и, скорчившись от боли, пробормотал:

— Ничего... Просто комар на лицо сел, вот я и не рассчитал сил.

Су Цили участливо произнес:

— Ничего, брат Линьси. Скоро похолодает, и вся эта кусачая дрянь исчезнет сама собой.

— Надеюсь на это, — уныло отозвался юноша. Затем, словно вспомнив о чем-то важном, он с самым искренним видом обратился к собеседнику: — Брат Цили, я слышал, у тебя есть «Записки о снах у ручья». Не позволишь ли мне взглянуть на них?

Лицо товарища мгновенно помрачнело.

«Откуда он узнал о книге?»

Этот труд достался Су Цили за огромные деньги. В книге описывалось всё: от астрономии до географии. Он хранил ее как зеницу ока и почти никому о ней не рассказывал.

Заметив это замешательство, Линьси тут же принял вид человека, осознавшего свою бестактность:

— Прости мою дерзость... Такая ценная книга, как «Записки о снах у ручья», — вещь сокровенная. Вполне естественно, что ты не желаешь делиться ею...

Почувствовав на себе взгляды остальных, Су Цили стиснул зубы:

— Почему же не желаю? Мы с братом Линьси близки как родные братья, как я могу отказать?

Он нехотя поднялся, достал книгу из вещей и протянул ее Линьси, витиевато наставляя беречь это сокровище.

Юноша, казалось, вовсе не заметил скрытой досады в голосе товарища. Осыпая его благодарностями, он бесцеремонно взял книгу и заверил:

— Будь спокоен, брат Цили! Раз ты так доверяешь мне, я буду пылинки с нее сдувать.

Владельцу книги оставалось лишь молча скрежетать зубами.

***

Глубокая ночь. В покоях канцлера Ван Ян разбирал дела. Старость и болезни брали свое: тишину то и дело прерывал сухой кашель.

Его красивая наложница тут же подала платок и принялась нежно поглаживать его по спине:

— Господин, вы совсем изнурили себя. Отдохните немного.

Ван Ян накрыл ее ладонь своей и, прикрыв глаза, выдохнул:

— Лишь ты по-настоящему заботишься обо мне.

— Ши Гэн, — в минуту краткого отдыха он позвал управляющего.

Канцлер осведомился о делах в Академии Шаньсюэ и, выслушав подробный отчет о поведении ученых, остался бесстрастен.

— Желает ли господин канцлер принять их завтра? — осторожно осведомился управляющий Ши Гэн.

Наложница поднесла к его губам чашу с теплым чаем. Ван Ян сделал глоток. Лениво приоткрыв веки, он взглянул на слугу:

— Не спеши. Когда придет время, я сам велю их позвать.

Управляющий поспешно склонил голову:

— Слушаюсь, господин.

— Ступай.

— Ничтожный удаляется.

***

Полуденное солнце пробивалось сквозь окно, заливая стол золотистым светом.

Окончив чтение «Записок о снах у ручья», Цзи Линьси вернул книгу владельцу. Сладко потянувшись, он направился к выходу.

— Брат Линьси, ты куда? — спросил Су Цили.

— Засиделся я, в комнате стало душно. Пойду пройду, развеюсь немного.

Услышав ответ, Су Цили не удержался от злорадной ухмылки.

А ведь он почти поверил, что товарищ — бесстрастный праведник. Похоже, и его терпение подошло к концу.

— Ступай, брат Линьси, только возвращайся поскорее.

Все остальные уже пытались найти путь к хозяину поместья и вернулись ни с чем. Цили не верил, что юноше повезет больше.

Линьси вышел за порог и направился прочь от двора.

За эти дни он окончательно убедился в одном: пока они не докажут свою полезность, Ван Ян не удостоит их и взглядом. Но Линьси не мог позволить себе прозябать здесь. Прекрасный принц ждет его, а значит, нужно действовать решительно.

Поместье было огромным. Завидев болтающих слуг, юноша замирал в тени, прислушиваясь к их разговорам. Если его замечали, он останавливался и принимался с невинным видом созерцать пейзаж.

В конце концов ему удалось выведать нечто важное: канцлер души не чаает в своем сыне.

«Сын канцлера... Значит, еще один конкурент, которого придется убрать с дороги»

Ему хотелось узнать больше, но в поместье за слугами следили строго. Прождав довольно

долго и не услышав ничего путного, Линьси решил было возвращаться, как вдруг до его слуха донеслись взрывы хохота и звук встряхиваемых костей.

Это место находилось совсем рядом с Академией Шаньсюэ, в глухом уголке, куда редко заглядывало начальство.

Юноша бесшумно скользнул за декоративную горку из камней. Там группа слуг азартно предавалась игре.

— Мелочь! Ставлю на мелкое!

— Крупное! Давай, открывай!

Послышался стук, и те, кто ставил на крупное, разразились смехом.

— Тише вы! — шикнул кто-то. — Накличете беду. Если хозяева узнают, нам всем спины палками пересчитают.

— Тсс, тсс...

Наблюдая за ними, Линьси почувствовал, как в голове созревает план.

Он умел прикидываться праведным даосом, умел изображать благородного мужа... А уж роль человека с самого дна и вовсе была для него привычной.

«А ведь известно: легче всего развязать язык игроку, ибо нет существа более глупого и лишенного воли»

Приняв решение, он небрежно взлохматил волосы, ссутулился, а выражению лица позволил поглупеть. В один миг всё его достоинство испарилось. Он демонстративно повесил на пояс туго набитый кошель с серебром и намеренно задел камень, который с шумом скатился вниз.

— Кто здесь?!

Игроки мгновенно обернулись.

Цзи Линьси до этого почти не выходил из своего двора, и никто из слуг не знал его в лицо.

Обнаруженный юноша отступил на два шага и пролепетал:

— П-простите... Я ученый из Академии Шаньсюэ... Проходил мимо и... засмотрелся на вашу игру. Я не хотел мешать...

Его голос дрожал, а вид был настолько безобидным, что слуги тут же расслабились. Один из них пренебрежительно махнул рукой:

— Проваливай, давай! Иди читай свои книжки.

Линьси бросил тоскливый взгляд на кости. Он медленно пробормотал «о-о-о» и начал разворачиваться. В этот момент его тяжелый кошелек качнулся, привлекая жадные взгляды.

«А этот дурачок-то при деньгах!»

Слуга, что только что гнал его прочь, вдруг расплылся в улыбке:

— Господин, постойте! Я вижу, вам по душе игра в кости. Не желаете ли попробовать?

Линьси замахал руками:

— Что вы, я совсем не умею в это играть... Я только смотреть люблю...

Но слуга уже вскочил и с напускным радушием потащил его в круг:

— Да что в этом такого! Не умеете — научим. Дело нехитрое: кладем кости в коробок, трясем и угадываем число. Кто угадал, того и деньги.

— Н-ну хорошо... — пролепетал юноша, являя на лице покорность судьбе.

Через час он проиграл три лян серебра.

Когда слуги собрались было продолжать, Линьси вдруг поднял голову, словно только сейчас заметил сумерки. Он в испуге хлопнул себя по лбу:

— О горе мне! Я же еще не закончил сегодняшнее чтение!

— Да ладно тебе, книги подождут! Еще не совсем стемнело, давай еще разок! — наперебой уговаривали его слуги.

Юноша отчаянно затряс головой:

— Ни в коем случае! Мне нужно готовиться к экзаменам, нельзя больше отвлекаться. — Он покрепче прижал к себе кошелек и с виноватым видом добавил: — Давайте так: я приду сюда завтра в это же время и мы поиграем снова?

<http://bllate.org/book/15344/1415915>